

Уместно спросить, представляют ли эти грубые методы упомянутые интересы.

Как бы там ни было, распространяемая тиражом в 2000 экземпляров книга предлагает много примеров такого некритичного истолкования истории, в котором Зимняя война понимается как рациональная, если не необходимая политика советского руководства. Это достойно сожаления, т. к. авторы явно способны на лучшее. Вводная и заключительная статьи свидетельствуют о начитанности, даже написание финских имен в целом правильное, правда, иное, чем в документах.

Как пикантную деталь стоит упомянуть, что в обзоре 1936 г. используется термин «освободительная война», когда речь идет о событиях 1918 г.

Информация и мнения в национальной памяти

Говорят, что историю можно понять только смотря в сторону минувшего, но, к сожалению, люди обречены это делать только смотря вперед. Такова жизнь человека, с течением времени дела оценивают исходя из новой перспективы, но при этом те утрачивают свой первоначальный характер. Когда события прошлого в свете новой информации постепенно наполняются иным значением, элементы прежней действительности уничтожаются и уступают место новым. Результатом может оказаться миф, который был бы совсем не ведом жившим в свое время людям. Новая конструкция может быть основана на значительно лучшем знании действительности того времени, о котором идет речь, чем то, которым тогда обладали люди, но если она не способна передать потребителю правильное представление именно о мире человека того времени, она становится вводящей в заблуждение. У современности всегда своя собственная очередность и собственные верования, и они всегда отличаются от тех, которые были в прошлом. Историк должен понимать это очень чутко, чтобы не впасть в заблуждения.

Хорошим примером созданной историей конструкции является холокост. Вторая мировая война сейчас почти всегда изучается исключительно с такой перспективы, в которой холокост занимает особо значимое место. Вопросы о победах и поражениях Гитлера рассматриваются во все большей степени через призму холокоста, и эта перспектива постоянно распространяется и на время до прихода Гитлера к власти.

В этом, разумеется, нет ничего неправильного. Холокост по своим меркам — такая серия исторических событий, которая заслуживает того, чтобы быть в центре изучения Второй мировой войны. Хотя он как история является «конструкцией», я не видел ни одного самого закоснелого постмодерниста, утверждающего, что холокост «только» чистая конструкция среди всех других возможных. Конечно же, он не был фантазией.

Однако проблема состоит в том, что от нас требуется забыть, что «холокост» как таковой, каким мы его знаем, не являлся действительностью Второй мировой войны. Масштабы и систематичность уничтожения евреев не были открытием, сделанным внезапно только союзниками. Это было неожиданным также для многих немцев, а в целом и для всего мира. В нынешнее время стало обычаем относиться с иронией к мысли, что немцы не знали о случившемся с евреями. Однако также было бы серьезным заблуждением утверждать, что они знали о холокосте. О холокосте, в гораздо большей степени, чем о сталинском терроре, в тот момент событий никто не знал в том виде, в каком мы сейчас знаем.

Что-то, разумеется, знали. Насилие, которое осуществляют террористические режимы, последние далеко не всегда даже стремятся скрывать, но действительные чудовищные свидетельства в Советском Союзе были, например, получены только когда немцы начали изучать массовые захоронения. В Германии также истина открылась тогда только, когда концентрационные лагеря и лагеря уничтожения оказались в руках союзников. До распространения этих последних и неоспоримых доказательств имела масса истинных, но также и неверных сведений, и это все понимали. В условиях тотальной войны пропаганда велась беззастенчиво, у критически мыслящего обывателя не было никаких оснований верить распространяемой противниками информации как соответствующей действительности. Холокост, как позже выяснилось, превзошел все, что могли бы живописать пропагандисты союзников. Хотя о нем и знали и о нем рассказывали, разобраться в информации, поступающей со стороны противника, было крайне сложной задачей. Во Франции размышляли над отношением Свободной Франции и движения сопротивления к холокосту. В газете *Le Débat* об этом писал Жан-Луи Кремье-Брийак, участвовавший в событиях на стороне Свободной Франции. Сообщенное им можно свести к тому, что о происходившем получали информацию, но «невероятному не верили». Свободная Франция поддерживала евреев и представила в Лондоне документы о преследованиях. Шум в мире

постарались вызвать, но никаких результатов это не имело. Совершенно очевидно, что противники Германии сомневались. Только в завершающий период войны «невероятному» пришлось верить, хотя многие немцы, которых заставили посмотреть об этом документальные фильмы, все еще сомневаются.

Может оказаться с точки зрения нынешнего времени важным то, что когда-то знали? Полагаю, что да. Вопрос о «знании» и предположении во многих случаях, пожалуй, является существенно важным обстоятельством, определяющим то, как следует относиться к событиям прошлого.

Передачи военнопленных немцам, о которых в последнее время в Финляндии говорилось, являются подходящим примером событий, моральная оценка которых невозможна, если нельзя достоверно выяснить, чем они были обусловлены. Выяснение дел требует весьма обстоятельной и кропотливой работы в каждом отдельном случае и вовсе не обязательно, что проблема имеет свое решение. Никаких наблюдений общего плана в таких конкретных случаях недостаточно для вынесения оценки и морального приговора.

Но что тогда на общем уровне знали об отношении немцев — и финнов — к военнопленным? По крайней мере, в Финляндии разоблачение брутальности хвлящихся «цивилизованностью» корректных немцев было неожиданностью. Как явствует из дневников периода войны-продолжения Паасикиви, для старого государственного деятеля было шоком услышать, что нацисты в Норвегии пытали «заслуживающих уважения граждан, профессоров», подвергнув их порке кожаными ремнями. Так как информация представлялась достоверной, то Паасикиви был вынужден признать, что между большевиками и нацистами в действительности принципиальной разницы нет, хотя преступления последних, разумеется, по масштабам были менее значительны. Согласно исследованию настроений, производимому ставкой, только учиненное немцами в Лапландии заставило финских фронтовиков считать, что бывшие собратью по оружию не были «культурным народом», но были прямо сравнимы с большевиками. Это же пытались еще до войны сказать газеты, но, пожалуй, сказывалось кокетничанье с необычайной германской культурой.

В начале войны-продолжения, в 1941 г., немцы не были, однако, в публичной информации уличены в особо плохом, хотя во время кампании в Польше имели место жестокие злодеяния. Обвинения в воздушных бомбардировках не произвели, например, особого впечатления в Финляндии, в которой о них имелся свой

опыт и даже у стороны, заявлявшей о своей принадлежности к так называемым демократическим силам. Связанные с политикой уничтожения народа преступления фактически, однако, уже набирали скорость. Операция «Барбаросса» была начата под знаком преступной войны-уничтожения, о чем свидетельствовал так называемый приказ о комиссарах. Жертвами массового уничтожения оказались также те миллионы русских военнопленных, которые в самом начале войны попали в руки к немцам и которых не могли содержать — явно и не пытались, большевик, как сформулировал Гитлер в приказе о комиссарах, не был «товарищем» для немца и таковым бы не стал. Таким образом, борьба должна была вестись «с невиданной ранее непозволительной жестокостью».

В Финляндии обращением немцев с военнопленными в июле 1941 г. интересовался инспектор лагерей, который хотел услышать, как немцы обходятся с военнопленными, т. к. дело, как можно было предполагать, у них было поставлено как надо. Немецкий военный чиновник Рёссинг заверял, что дела в Германии в этой области действительно находятся в образцовом порядке. Так, например, питание пленных осуществлялось в соответствии с тем, откуда они были родом: поляки получали ржаной хлеб, а французы белый хлеб. Французам предлагалось также к еде вино, к которому они привыкли, и каждый пленный получал плату за сделанную работу, которая зависела от уровня дохода на родине. На пленных распространялись также общие законы о гарантиях от несчастного случая, и нормы пайка были приблизительно такими же, как у гражданских лиц.

Такой пример организации немцы, следовательно, предлагали в качестве образца финнам, «раз ведется общая война». О приказе о комиссарах, невиданной жестокости и ликвидации евреев не говорилось ни словечка. Можем ли мы предположить, что об этом, однако, знали и догадывались, хотя и не считали нужным особо говорить?

Полагаю, что исследователи, которые считают передачи военнопленных немцам этически неправильными или даже преступными, должны доказать, что было известно о том, что военнопленные окажутся объектами нарушения международного права. Согласно нашим современным знаниям, это иногда имело место, но вовсе не всегда. Вероятно также, что, по крайней мере, некоторые финны знали «что-то», например, о приказе о комиссарах и даже об отношении к евреям. Следовало бы только знать, что, в конце концов, знали — и что предполагали. Невероятно

жестокие — и подчас неосуществимые — приказы отдавал как главнокомандующий также и Сталин, требуя, между прочим, уничтожить каждого немца на советской земле. Он категорически запретил также оставлять немцам хотя бы килограмм зерна или литр нефти. Дома должны были быть сожжены, скот — забит. По его мнению, не было военнопленных красноармейцев, были только изменники. Хотя практика и теория — два разных дела, западным союзникам следовало бы, например, знать, что означала выдача Сталину солдат так называемой армии Власова. С уверенностью можно сказать, что это не снимает с финских чиновников ответственность за собственные действия.

Когда исследователи выяснят, что происходило с переданными от одной страны другой группами военнопленных во время Второй мировой войны — а их общая численность достигает миллионов — мы будем, во всяком случае, знать, что представляла себе соответствующая сторона, отправляя этих людей, и на каком основании она так поступала. Окончательная ответственность за нарушение права и акты насилия, разумеется, всегда лежит на той стороне, которая в этом виновата.

Следует с удовлетворением приветствовать тот факт, что государственная власть Финляндии поняла важность вопроса и профинансировала исследовательский проект о военнопленных. Остается только надеяться, что в России скоро придут к такой же открытости.